

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-85-95

© Т. Н. Галашева

ПРЕДАНИЯ О ТРЕХ БРАТЬЯХ И ГЛАВЕ ГЕОРГИЯ УГРИНА В ЖИТИИ ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКОГО

История Борисоглебского монастыря в Торжке, согласно Житию его основателя, непосредственно связана с памятью великих князей Бориса и Глеба. Ефрем Новоторжский был не просто их современником — он имел чин конюшего при княжеском дворе: «еще бѣ в мире преже убияения святых страсотерпец Бориса и Глѣба. Жилище его бѣ в дому их».¹ В Житии рассказывается о братьях Ефрема — Георгии Угрине (голову которого Ефрем принес в Торжок) и Моисее Угрине; возникает образ трех братьев-угринов, служивших русским князьям. Об отроке Георгии Угрине сообщают памятники борисоглебского цикла; Моисею Угрину посвящено слово Киево-Печерского патерика; но о самом Ефреме Новоторжском сведений в ранних источниках нет.

Среди легенд, относящихся к Борисоглебским храмам и монастырям, можно выделить два основных вида. Первый связан с местными преданиями о событиях жизни святых князей (например, история церкви в Кидекше, заложенной там, «идеже бѣ становище святоу мученику Бориса и Глѣба»²). Другой вид легенд сообщает о явлении святых князей, как, например, в Житии Александра Невского,³ в повести об основании Ростовского Борисоглебского монастыря.⁴ История Ефрема Новоторжского выделяется в этом ряду. Причислять ли позднее Житие к источникам по ранней русской истории или видеть в нем один из этапов ее осмысления?

Как исторический источник Житие Ефрема Новоторжского было задействовано в исследованиях А. А. Шахматова, И. У. Будовница, П. Д. Малыгина, А. М. Салимова, И. А. Новицкого.⁵ В других работах Житие привлекается с некоторыми оговорками.⁶

¹ БАН. П. I. А. № 29 (17.5.3). Л. 367–367 об. Далее текст цитируется по этой рукописи с указанием номера листа. Житие читается в составе житийного сборника-конволюта середины XVII века, 4°, 378 л. (подробнее см.: *Лебедева И. Н.* Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003. С. 53–56). Текст жития опубликован: *Малыгин П. Д., Кузнецов В. В.* Житие св. прп. Ефрема Новоторжского — исторический и литературный источник // «Государева дорога» и ее дворцы: Материалы межрегиональной науч. конф. 19–21 ноября 2002 г. Тверь, 2003. С. 280–289.

² Полн. собр. русских летописей. Л., 1927. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стлб. 349.

³ *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 123–135.

⁴ *Лопарев Х. М.* Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века. СПб., 1892. С. 7; см. также: *Сукина Л. Б.* Борисоглебский культ в Переяславле-Залесском в XII–XIII вв.: источники и проблемы исследования // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2010. С. 144–152.

⁵ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 95–96; *Будовниц И. У.* Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 446–451; *Малыгин П. Д.* К топографии Торжка XII–XIII вв. // История и археология Новгородской земли: Тезисы науч.-практич. конф. Новгород, 1987. С. 38–40; *Салимов А. М.* Древний собор Борисоглебского монастыря в Торжке // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 3. С. 45–53; *Новицкий И. А.* Первый монастырь Руси // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 86–93.

⁶ *Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 52–53; см. также: *Артамонов Ю. А., Преображенский А. С.* Георгий Угрин // Православная

Есть традиция, полностью принимающая историю трех братьев-угринов, — это прежде всего венгерские исследователи, например И. Феринц, датирующий прибытие братьев-угринов на Русь 1003–1008 годами и предполагающий, что они были выходцами из Трансильвании и бежали от католической экспансии.⁷

Выводы о ранних русско-венгерских связях могут быть справедливыми по отношению к Георгию и Моисею Угринам, которых Киево-Печерский патерик действительно называет братьями. Что касается Ефрема Новоторжского (в источниках не встречается его именование Ефремом Угрином), то само Житие препятствует буквальному восприятию описанных в нем событий: оно начинается с сообщения об утрате рукописи с подлинным «писанием» о святом. Подобный мотив, по замечанию С. А. Семячко, присутствует в целом ряде агиографических текстов: «Мы имеем дело с топомом, появляющимся в тех случаях, когда между кончиной подвижника и созданием его жития проходит значительное время, а надежные источники о жизни святого отсутствуют».⁸

Неизвестно, существовало ли древнее «писание» о Ефреме. Сохранившееся Житие, относящееся к последней трети XVI века, очевидно, возникает на основе устных источников.⁹ Попробуем взглянуть на него как на литературный текст, который интересен независимо от его исторического правдоподобия и характерен для своего времени. Поскольку сведения о Ефреме, сообщаемые в Житии, крайне скудны и его связь с братьями — едва ли не наиболее заметная черта его биографии, процесс формирования сюжета о трех братьях особенно важен. Неотделим от него и сюжет об обретении Ефремом главы Георгия Угрина. В ходе статьи будет рассмотрено движение текста от ранней редакции к позднейшим.

Отсеченная глава Георгия Угрина

Как показывает текстологическое исследование, первоначальное Житие, отраженное в Краткой редакции, было создано в 1570–1580-е годы в Борисоглебском Новоторжском монастыре, вероятно, архимандритом Мисаилом. В середине XVII века этот текст был полностью переработан, — была составлена Пространная редакция Жития.¹⁰

Автор Краткой редакции пересказывает устное сообщение священноинока Юрьева монастыря Иоасафа о Ефреме: «У него же быста два брата: первый брат Георгий, на него же святыи Борис возложи гривну злату, за нея же и убиен бысть со святым Борисом; второй же брат его — Моисей, той же и убийства злаго избежа, послѣди же пленен бысть в ляцкой землѣ и мучен бысть от ляцкие нѣкия жены, целомудрия ради» (л. 367 об. — 368; здесь и далее курсив в цитатах наш. — Т. Г.).

Этот рассказ весьма схематичен, как будто напоминает об общеизвестном. С другой стороны, можно заметить, что все сказанное о Моисее и Георгии легко почерпнуть из одного вступления к слову о Моисее Угрине в Киево-Печерском патерике: «Увѣдѣно же бысть о сем блаженном Моисей Угринѣ, яко любимъ бысть святымъ Борисом. Сей бо бысть родом угринѣ, братъ же Георгия, на негоже Борисъ возложи гривну злату, его-

энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 84–87; *Легких В.* Венгры среди русских святых: Служба на усение прп. Ефрема Новоторжского // *Słowianie w monarchii Habsburgów. Literatura, język, kultura / Red. M. Cistiakova, M. Kuczyńska, Ja. Stradomski.* Kraków, 2020. S. 9–34.

⁷ *Феринц И.* Моисей Угрин и его братья // *Studia Slavica. Academiae scientiarum hungaricae.* Budapest, 1993. Т. 38. Fasc. 1–2. P. 19–25; *Двердь Р.* К иконографии Георгия Угрина // *Византийский временник.* М., 1976. № 37. С. 219–227; *Лепяхин В. В.* Преподобный Моисей Угрин — «второй» или «другой» Иосиф // *Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб., 2003. Т. 54. С. 370–389.

⁸ *Семячко С. А.* Житие преподобного Иннокентия Комельского. Вологда, 2021. С. 14.

⁹ См.: *Кузнецов В. В.* Житие Ефрема Новоторжского как часть народнопоэтической традиции Торжка // *Из истории и теории культуры.* Труды Филиала ГАСК в г. Твери. Тверь, 2004. Вып. II. С. 50–63.

¹⁰ *Галашева Т. Н.* К истории текста Жития Ефрема Новоторжского // *Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб., 2020. Т. 67. С. 175–205.

же убиша съ святым Борисом на Алтѣ и главу его отрѣзаша златыя ради гривны. Сий же Моисей единъ избывъ от горька смерти и горькаго заколения избежа».¹¹

Краткое изложение Иоасафом мучения Моисея Угрина «от лядьки нѣкия жены», скорее всего, связано с дальнейшим текстом Патерика: «Сего видѣвши нѣкаа жена от великихъ» (КПП, с. 49), хотя переключается и со вставкой о Моисее Угрине в Тверском сборнике: «много пострада въ Лядьхъ въ плѣну отъ жены нѣкыя».¹² Заметим, что отсеченная голова Георгия в словах священноинока Иоасафа не упоминается. Далее автор Жития делится своим собственным суждением: «И нынѣ глаголю, яко и брата своего Георгия главу взя во свои руцѣ. Писания о сем не обрѣтохом, но, видимо всѣми, в раце преподобного Ефрѣма есть вторая глава и до сего дни. И мы вѣру имем, яко та есть глава святого Георгия, брата Ефрѣмля» (л. 368).

В Краткой редакции каждый факт сопровождается указанием на источник. В данном случае повествование опирается на веру иноков монастыря. Вторая глава рядом с мощами основателя Борисоглебского монастыря нуждалась в объяснении: возможно, посвящение монастыря Борису и Глебу заставляло вспомнить события, связанные с убиением князя Бориса и отсечением главы отрока Георгия. Мы видим, что на раннем этапе истории текста предание о Георгии высказывается без уверенности: сначала сообщается о голове и только затем о ее предположительном происхождении.

В службе, составленной, скорее всего, тем же архимандритом Мисаилом,¹³ ни братья-угрины, ни глава Георгиева не упоминаются. Одним из центральных мотивов службы является построение Ефремом Борисоглебской церкви после того, как Ефрем «узрел» мучения Бориса и Глеба: «церковь прекрасну страстотрпцем Христовым Борису и Глѣбу въздвигл еси <...> идѣже и нынѣ честное тѣло твое исцѣления подает».¹⁴

Глава находилась в монастыре до его закрытия в 1919 году. Архиепископ Дмитрий (Самбикин) в «Тверском патерике» даже сообщал: «Судя по размеру головы, хранящейся при мощах преп. Ефрема, Георгий был высокого роста».¹⁵

Созданное в последней трети XVI века, Житие Ефрема отразило приметы своей эпохи. Так, Ефрем назван конюшим князя Бориса, и это должно выражать его наибольшую приближенность к князю. Именно при Иване Грозном возрастает значение придворного чина конюшего, в 1584 году конюшим становится Борис Годунов.¹⁶ Образ князя Владимира получает новое значение предшественника царя,¹⁷ особую символичность приобретает и почитание князей Бориса и Глеба, воплотившееся, например, в строительстве в 1561 году Борисоглебского собора в Старице.¹⁸

В книге «Сюжеты и символы Московского царства» М. Б. Плеханова подробно исследует возросшее в царствование Ивана Грозного значение культа Иоанна Предтечи и символа усеченной главы, проявившееся, в частности, в символических житиях русских главнокозцев, Меркурия Смоленского и Иоанна Казанского.¹⁹ Можно

¹¹ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 48. Далее — КПП, с указанием номера страницы.

¹² Полн. собр. русских летописей. СПб., 1863. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стлб. 126.

¹³ Галашева Т. Н. К истории текста Жития Ефрема Новоторжского. С. 185–186.

¹⁴ РНБ. Софийское собр. № 1467. Л. 175–175 об.

¹⁵ Тверской патерик. Краткие сведения о Тверских местночтимых святых. Казань, 1908. С. 210.

¹⁶ См. подробнее: Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. Территория и население. С. 479; Пономарева И. Г. Конюшие XV в. // Грани русского Средневековья: Сб. статей к 90-летию Ю. Г. Алексева. М., 2016. С. 281–285.

¹⁷ Сиренов А. В. Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся «место памяти» // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. М., 2019. С. 34.

¹⁸ Необычная архитектура и убранство собора, как и вопрос о его заказчике, по-разному интерпретируются исследователями: Юрганов А. Л. Отражение политической борьбы в памятнике архитектуры (Борисоглебский собор в Старице) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1987. С. 176–185; Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б. Древний Борисоглебский собор в Старице. М., 2008.

¹⁹ Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995; также см.: Бродовая Ю. В. «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя» в древнерусском искусстве XV — первой половины XVII веков // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2004. Вып. 8. С. 162–177.

вспомнить и получившее распространение в поствизантийскую эпоху на Афоне, в Греции и у южных славян изображение другого Георгия — великомученика — как кефалофора.²⁰ В отличие от кефалофоров, несущих свою главу, Ефрем не делает ничего сверхъестественного: несет главу брата с собой в Торжок. Здесь может быть актуален и другой мотив, отмеченный М. Б. Плюхановой, — мотив строительной жертвы в основании чего-либо прочного, особенно явно выраженный в Пространной редакции, которая будет рассмотрена ниже, где о главе сказано: «И принесе ю на се мѣсто в город Торжок, идѣже бѣ обитель преподобнаго».²¹ Вероятно, в таком культурном контексте было создано и предание о главе Георгия Угрина.

Три брата-угрина

Если сведения о Георгии и Моисее Угринах были доступны по письменным источникам, то сам сюжет о трех братьях-чужеземцах, пришедших на Русь и послуживших ей, имеет, как кажется, устную природу. Три брата связывались между собой не только своим иноземным происхождением, но и верностью святым братьям Борису и Глебу.

Эта тема была характерна для самого раннего периода русской литературы: в этиологических легендах Повести временных лет она звучит несколько раз.²² История о пришедших на Русь угринах в форме «династической легенды» продолжает ряд, повествующий о начале «порядка» на Руси, и ставит Торжок среди древнейших русских городов. Братья как культурные герои указаны и в «Motif-index» С. Томпсона: «A15.2. Brothers as creators»; «A515.1. Culture heroes brothers».²³ Экспедиция Пушкинского Дома и теперь записывает нарративы о возникновении старообрядческих согласий в результате раздора трех братьев — «Даниила, Федосея, Филиппа» (Кировская обл.).²⁴

Ценнейшую параллель к сюжету Жития Ефрема Новоторжского приводит в своей диссертации о верхневолжских преданиях В. В. Кузнецов. Исследователь указывает в связи с тремя братьями-угринами на топонимическое предание «Сказание об основании Зубцова за 90 лет до Рождества тремя братьями» и заключает: «...в основе обоих памятников лежит один и тот же сюжетный архетип, который можно обозначить как „три брата — основателя культурной традиции“ <...> три брата — основателя Зубцова: Зубец, Рубец, имя третьего забыто, или Зубец, Вертран и Обряк».²⁵

Три брата, кроме того, фигурируют во многих сказочных сюжетах, однако в сказках братья чаще всего не равны между собой. Сходен с рассматриваемым единственным сюжет СУС 654:²⁶ «Три искусных брата: отец посылает их учиться; они показывают свое искусство: фехтовальщик машет своей шпагой так, что его не мочит сильный

²⁰ *Овчинникова Е. С.* Икона «Георгий с отсеченной головой» в собрании Московского исторического музея // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 164–171.*

²¹ Тверской государственный объединенный музей. ТвМ. КП-1879. Л. 41 об. (далее — КП-1879, с указанием номера листа). Рукопись издана факсимиле: *Житие Ефрема Новоторжского: Из фонда «Редкая книга» Тверского государственного объединенного музея / Вступ. ст., пер. и комм. В. З. Исакова; археограф. описание Г. С. Гадаловой; науч. ред. П. Д. Малыгин. Торжок, 2011.*

²² См. также тюркские параллели к сюжету «о трех братьях и сестре»: *Потанин Г. Н.* *Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 838–841.*

²³ *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, a. local legends. Bloomington; London, 1966.

²⁴ Приношу благодарность А. И. Васкул, указавшей мне на это явление: *Васкул А. И.* *Экспедиции к старообрядцам-филипповцам Вятского края 2014–2015 гг. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2017. Вып. 17. С. 287.*

²⁵ *Кузнецов В. В.* *Предания Верхневолжья: генезис и жанровые особенности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. С. 7.*

²⁶ *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Резовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.*

дождь, цирюльник бреет на бегу зайца и т. п.» (например, сказка братьев Гримм «Три брата»).

Близок к этому и бродячий сюжет средневековой духовной литературы «Три брата становятся монахами» в «Index exemplorum» Ф. Тубаха (№ 803). Братья («три искусных брата») при этом посвящают себя разным сторонам христианской добродетели: миротворчеству, посещению больных, отшельничеству.²⁷ Подобным образом выглядит история братьев-угринов: Георгий становится страстотерпцем за верность князю, Моисей, приняв мучения за целомудрие, принимает постриг; Ефрем, согласно Пространной редакции Жития, сначала создает странноприимный дом, а потом основывает монастырь. Три брата-угрина действительно оказываются искусными в различных областях христианского делания. Именно таким предстает их образ в многократно переизданной брошюре Троице-Сергиевой лавры «Три святых брата в Древней Руси» (1902, 1904, 1914, 2012).

Сюжет о трех братьях часто встречается в новеллах: например, в известной притче «Декамерона» о трех перстнях три одинаково доблестных брата становятся символическим изображением трех религий (день первый, № 3).²⁸ В текстах, о которых речь пойдет далее, нас будет особенно интересовать устойчивая сочетаемость разных сюжетов. Так, еще одна новелла примечательна тем, что в ней сюжет о трех братьях, растративших имение, сочетается, как и в повествовании Жития о Моисее Угрине, с сюжетом о страсти богатой женщины к бедному юноше (день второй, № 3).²⁹ Бережно хранимая отрубленная голова, напоминающая голову Георгия Угрина, появляется в новелле о трех братьях — богатых купцах (день четвертый, № 5).³⁰

Литературные обработки XVII века: Сказание о трех братьях-угринах

Краткая редакция не получила распространения, к настоящему времени известны всего три ее списка. После создания Краткой редакции и, вероятно, до составления Пространной было написано Сказание о трех братьях-угринах. История этого текста не совсем ясна; его единственный список дополняет Краткую редакцию в рукописно-конволюте из библиотеки царевны Натальи Алексеевны (БАН. П. I. А. № 29. Л. 373–378; начальные листы текста утрачены). Можно сделать предположение о том, что Сказание составлялось как дополнение к Житию при подаче царю Алексею Михайловичу в 1640-е годы сведений о монастыре и содержащихся в нем святынях. Цель нового произведения, возможно, была в том, чтобы дополнить сухой и неубедительный текст Краткой редакции весомыми доводами в пользу древности и значительности Новоторжского Борисоглебского монастыря. Удивительно, что и Краткая редакция, передающая простой текст Мисаила, и Сказание, в котором все изложено несколько иначе, переписаны одним и тем же почерком друг за другом и должны не оспаривать, а дополнять друг друга. В Сказании о трех братьях-угринах священноинок Иоасаф уже не упоминается, о братьях Георгии, Моисее и Ефреме говорится как о подлинной монастырской истории.

В начале текста рассказывается об умирающем князе Владимире, который, изнемогая, посылает за Борисом: «он же благочестивый бяше, вѣру имѣет, вскоре поиде в Киев со слугами своими» (л. 373). «Окаянные» слуги «окаянного» Святополка «шедше на пути немилостиви» убивают Бориса «на пути» к Киеву. Автор Сказания далее сразу переходит к Георгию. Летописное замечание «бѣ бо се любимъ Борисомъ бяше» дополняется мотивом верности: «Нѣкто же боярин великого князя Бориса, велика рода Егорей, Угрин зовом, любимъ зѣло и вѣрен ему бысть великим князем Борисом»

²⁷ *Tubach Fr. C. Index exemplorum. A handbook of medieval religious tales. Helsinki, 1969. P. 66 (Folklore Fellows Communications; № 204).*

²⁸ *Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. Н. Любимова. М., 2008. С. 81–84.*

²⁹ Там же. С. 128–136.

³⁰ Там же. С. 375–378.

(л. 373 об.). Сообщение летописи о гривне «бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше пред нимъ»³¹ сопровождается повелением носить дар: «На него же святой Борис возложи гривну злату на вые его и носити ему повелѣ» (л. 373 об.). Гривна очень важна и упоминается дважды: в первом случае она, как и в летописи, и в Патерике, «возложена», во втором — «висит» на шее Георгия («главу ему отсекоша златыя ради гривны, юже висяще на вые его», л. 374), что может указывать на смещение в содержании понятия гривны (от шейного украшения к денежной единице). Как и в летописи («и слугу его падша на нем прободоша с нимъ»³²), в Сказании («и пад над тѣлом его», л. 374) изображается падение Георгия, которое опущено в патериковом слове.

Кратко обрисовав судьбу Владимира, Бориса и Георгия, составитель Сказания обращается к описанию действий Ефрема — свидетеля убийства: «Брат же его, Ефрѣм, видев сие, поим главу брата своего Егория и иде в Ноугородцкую область во град Торжок, и тамо вселися. <...> Честная же глава и донынѣ брата его Егория, юже убиен бысть над святым великим князем Борисом, ея же принесе с собою брат его, преподобный Ефрѣм, и по смерти своей повелѣ вложити в раку свою с тѣлом своим преподобный Ефрѣм, лежит же та честная глава Егорьева во гробѣ с тѣлом преподобного Ефрѣма и донынѣ, цѣла и нетлѣнна» (л. 374–375 об.).

В этом тексте впервые формируется сюжет о принесении главы Ефремом в Торжок как процессе. Сообщение о главе, как и упоминание о гривне, повторяется дважды, и в целом весь фрагмент сосредоточен вокруг «честной главы» Георгия, пребывающей в монастыре. Заметна художественная незавершенность и прагматичность Сказания: в этом тексте, по-видимому, делается попытка представить главу Георгия Утрина как монастырскую святыню. «Честной главой» именовалась в первую очередь глава Иоанна Предтечи.³³ Вновь любопытно подчеркнуть сочетание мотивов: усекновение главы Иоанна Предтечи уже в Евангелии, а впоследствии и в многочисленных словах и поучениях, было тесно связано с мотивом «женской злобы»: ³⁴ так и в Сказании о трех братьях рассказ о главе Георгия Утрина сменяется рассказом о злой жене «ляховке», мучившей Моисея Утрина.

Ефрем сам видел убийство Георгия и тут же взял главу брата, путь Ефрема в Торжок с главой в руках указан документально точно. Еще одну важную параллель к сюжету о принесении главы брата братом можно увидеть в Повести о разорении Рязани Батыем, — так проявляется братская любовь к убитым. Как и Ефрем, князь Ингварь Ингоревич приходит на поле битвы, когда кровопролитие закончилось, собирает тела братьев и особенно бережно относится к «честной главе» брата Олега Ингваревича: «и собра раздробленныи уды брата своего <...> и несоща его во град Резань, а честную его главу сам князь велики Ингварь Ингоревич и до града понеси, и целова ю любезно. Положиша его с великим князем Юрьем Ингоревичем во единой раце».³⁵ Очевидно обращение к одной и той же этикетной братской модели поведения. Мы не можем с уверенностью говорить о прямой связи этих текстов, но отметим возможные лексические заимствования из Повести в дальнейшем повествовании Сказания о Моисее Утрине: «остася един, никѣм брегом, и плениша его ляхи» (л. 375 об.), «и повелѣ его не брегома повреци во убогой храмине, яко да злѣ живот свой сконча» (л. 377 об.). Ср. в Повести о разорении Рязани Батыем: «тѣло его повелѣ повреци зверем и птицам на разтерзание», «зря на блаженное тѣло честнаго своего господина и видя его никим брегома», «снѣгом и ледом померзоша, никим брегома», «меня единаго оставиша в толице погибели».³⁶

³¹ Полн. собр. русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Стлб. 134.

³² Там же.

³³ Ср., например: Минея служебная. Москва, 1622. Февраль. Л. 215 (24 февраля).

³⁴ Сердечно благодарю А. Г. Боброва, поделившегося со мной этим наблюдением.

³⁵ Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер., комм. И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 152.

³⁶ Там же. С. 142, 150.

Сказание о трех братьях заканчивается упоминанием о чудотворениях, на которые способен третий брат, и ссылкой на Киево-Печерский патерик: «Мнише же сей, Моисей, и целбоносный дар от Бога, о нем же писано в Пятерикѣ Печерьском, яко добрый исповѣдник, пострада целомудрия ради от жены ляхови девки» (л. 378). Образ третьего брата, Моисея Угриня, создан с опорой на этот источник, но дополнен отсутствующими в патериковом рассказе топосами: «аще и юн возрастом, но стар разумом»³⁷ (л. 376) и др. Диалоги, из которых состоит патериковое слово, опущены; сюжет упрощен. Некоторые повороты судьбы Моисея переданы в тексте весьма оригинально: например, сообщение Патерика о том, что Моисей единственный уцелел во время убийства Бориса, подано в Сказании как знак одиночества и незащищенности третьего брата и причина его пленения:

Киево-Печерский патерик	Сказание о трех братьях-угринах
Сий же Моисей <i>един</i> избыв от горька смерти и горькаго заколения избежа. <...> с нимже и сего блаженаго Моисея <i>веде</i> (КПП, с. 48–49)	Моисей Угрин, по убийнии великого князя Бориса и брата своего Егоргия и по отшествии брата своего Ефрѣма остае <i>един</i> , никѣм брегом, и плениша его ляхи, и <i>ведоша</i> с собою в Ляцкую землю (л. 375 об.)
бѣ бо добръ тѣлом и <i>красен</i> лицем. Сего видѣвши нѣкаа жена от великихъ, <i>красна</i> суци и <i>уна</i> , имуще богатство (КПП, с. 49)	Жена же нѣкая ляховка, богата зѣло, виде его, плѣнника <i>юна</i> <i>возрастом</i> и <i>красна</i> <i>лицем</i> (л. 375 об.)
Разумѣв же блаженный <i>похотьние ея скверненое</i> (КПП, с. 49); «но страха дѣля Божна <i>гнушаюся</i> тебе» (КПП, с. 52)	и не восхотѣ <i>скверного ея смущения</i> , но паче <i>возгнушаюся</i> ея (л. 376).
Многажды <i>гладом</i> и <i>ранами томящи</i> того, недоволю бысть ему. 5 лѣтъ <i>оковану бывшу</i> от плѣнившаго и (КПП, с. 51)	И много мучим <i>ранами</i> , и <i>томим</i> <i>гладом</i> , и жажду, и <i>блюдом во оковах</i> с нужною (л. 376)
<i>Муки тяжкы налагаетъ</i> (КПП, с. 51)	по вся дни его <i>томяще муками</i> , <i>отягчеваше</i> ранами его (л. 376 об.)
<i>послѣдидже</i> и <i>тайныя уды отрѣзати</i> ему повель, глаголющи: «Да не пощажю сего доброты, да не насытятся инии сего красоты». Моисей же <i>лежа акы мертвъ</i> от <i>течения крови</i> , <i>мало дыханиа в тѣле имый</i> (КПП, с. 52)	<i>Напослѣдок же повель</i> ему <i>обрѣзати тайныя уды</i> , и едва жива оставиша его, и виде его <i>едва дышуща</i> , и <i>много крови</i> от него излиянной быти. И повель его не брегома поврещи во убогой храмине, яко да злѣ живот свой сконча. Он же многи дни <i>лежаще</i> , яко <i>мертв</i> <...> (л. 377–377 об.)

На последнем примере видно, как составитель Сказания добавляет новые подробности страданий Моисея: описывает бедное жилище, где святой брошен умирать один. Сказание о трех братьях-угринах, как и Краткая редакция, не получило распространения в рукописях и представляет собой попытку развития сюжета в агиографическом ключе, которая почему-то оказалась невостребованной.

Литературные обработки XVII века: Пространная редакция

Мы предполагаем, что в те же 1640-е годы была осознана необходимость в составлении новой, Пространной, редакции Жития. Она наиболее часто встречается в рукописях и представляет собой риторически украшенный текст. Известные по Краткой редакции сведения в Пространной приобретают подробности живого рассказа. Слова Иоасафа (занимавшие лишь несколько строк в Краткой редакции) превратились в две

³⁷ Герменевтический анализ этого топоса, а также сравнение текста со Словом о Моисее Угрине Киево-Печерского патерика представлены в статье: Кузнецов В. В. Преподобный Моисей Угрин в житии Ефрема Новоторжского // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Тверь, 2021. Вып. 10 (16). С. 100–107. Однако анализируемый текст связывается автором статьи с именем архимандрита Мисаила и датируется концом XVI века, с чем мы не можем согласиться.

отдельные главки: первая развернуто повествует о Моисее, вторая — о Георгии и об обретеннии Ефремом его главы.

Текст рассмотренного выше Сказания о трех братьях, очевидно, вовсе не использовался автором Пространной редакции (может быть, в связи с тем, что единственный его список был подан царю?). Составитель вновь обращается к тем же первоисточникам. В начале первой из главок полностью повторены слова Иоасафа о братьях, известные по Краткой редакции: «Повѣда нам священнонок Иоасаф о преподобном чудотворцѣ Ефремѣ, от коея страны и какова бѣ отечества и рода» (КП-1879, л. 38 об. — 39). О Моисее далее повествуется подробнее. Как и в Патерике, отмечена его красота: «бѣ бо лицом зѣло красен и благозрачен» (КП-1879, л. 39). Удивительно, что в дальнейшем текст развивается совершенно иначе, чем в Сказании о трех братьях, но также с опорой на текст Патерика.

Пропуская начало страданий Моисея, составитель Пространной редакции переходит сразу к моменту его выкупа. Дословные заимствования малочисленны: «хотя с ним, окаянная, смѣсигися, яко господьскую власть имѣя над ним» (КП-1879, л. 39 об.), ср. в Патерике: «Яко се власть приимши на нем» (КПП, с. 49). В целом же главка похожа на торопливый пересказ с редким обращением к источнику. Жена в Патерике «посылаетъ же к держашему того» (КПП, с. 49), но человек, к которому попал в рабство Моисей, в Пространной редакции превращается в «держашего тогда град». «Лютая змея», вероятно, связана со словами Моисея в Патерике «яко лутши змии на шептания, иже в рай Евзѣ» (КПП, с. 50). Дальнейшая речь Моисея об Иосифе кратко пересказана («И яко на прекраснаго Иосифа нѣкая жена египтенина оболга мужу своему прелюбодѣйства ради, тако же и сия безбожная злая жена не улучи желания своего <лукаваго>»,³⁸ повелѣть преподобному Моисею *обрѣзати тайныя уды*», КП-1879, л. 39 об. — 40); задействуются слова Патерика «*помыслъ лукав въ сердци приимши*» (КПП, с. 51); «и *тайныя уды отрѣзати* ему повелѣ» (КПП, с. 52). Жена, как и Святополк, названа «окаянной и злой», действиям ее дано привычное объяснение: «бѣсом бо бѣ научаема и подстрѣкаема». Сообщение Патерика об отшествии Моисея в Киево-Печерский монастырь трактуется в Пространной редакции Жития Ефрема Новоторжского как «тайное пострижение» «от нѣкоего монаха Печерскаго монастыря» (хотя по Патерику известно, что тайное пострижение произошло еще в плену и от Афонского монаха).

Угрозу Угрину посвящена следующая главка Жития. Злая сила, противостоящая второму брату, охарактеризована теми же эпитетами, что и в первой главке: «злоскозненный враг, лютый змий, окаянный брат его Святополк». С князем Борисом «бѣ в то время брат преподобнаго Ефрема Георгий, на него же бѣ великий князь Борис *златую гривну возложи* во украшение ради своего великаго княжения» (КП-1879, л. 40 об.). Когда Бориса убивают, «тогда же брат преподобнаго Ефрема Георгий *паде на тѣло* великаго князя Бориса. Они же зли и немилосердии людие и окаянии пси рыкнуша, *яко лютии звѣрие, и отскоша главу Георгиеву*, и отнесоша от тѣлеси его. *Златую же положенную гривну* великим Борисом на Георгия взяша себѣ» (КП-1879, л. 40 об. — 41). В Пространной редакции Жития впервые характеризуются убийцы князя Бориса и отрока Георгия: как и в летописи, «се нападаша *акы звѣрье дивии*»; «*устькнуша главу его*».³⁹ Как и в летописи, мы видим Георгия «падша» на Бориса. В Пространной редакции возложение гривны находит новое толкование — «во украшение великаго княжения» (напомним, в Сказании о трех братьях после возложения гривны Борис «и носити ему повелѣ»). При втором упоминании гривна оказывается «положена» на Георгия и «взята» убийцами (в Сказании она «висела» на шее Георгия). Эти примеры показывают, что один и тот же летописный текст порождал разные представления о произошедшем на Альте.

Роль Ефрема видоизменилась от очевидца, избежавшего убийства, в Сказании о трех братьях-угринах до отсутствовавшего при происшествии брата в Пространной

³⁸ «Лукаваго» — так в других списках, например в рукописи РНБ. Собр. Погодина. № 718; слово пропущено в цитируемой рукописи КП-1879.

³⁹ Полн. собр. русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Стлб. 134.

редакции: «Тогда же блаженный Ефрем прииде на мѣсто, идѣже убиен бысть благовѣрный и великий князь Борис и брат преподобнаго Ефрема Георгий, и *поискаше тѣлесе Георгиевъ и не обрѣтоша*, но точию обрѣте едину главу Георгиеву *по нѣкоему признатну мѣсту, иже бѣ на главѣ Георгиеве*. И плакася преподобный Ефрем *над главою брата своего Георгия на мног час*. И взял с собою главу Георгиеву, и поиде с нею оттуда. И принесе ю на се мѣсто в город Торжок, идѣже бѣ обитель преподобнаго, — видима же есть и доднесь. *И никому не повѣда о главѣ брата своего Георгия*. <...> повелѣ главу брата своего Георгия *положити во гроб с собою* <...>» (ЖП-1879, л. 41–42).

Рассказ здесь дополнен совершенно новыми мотивами: опознание по примете, плач над телом, тайное хранение воспоминания о близком. Глава Георгия уже не именуется «честной главой», теперь это прежде всего голова родного для Ефрема человека, которую отличает только он. Появляется мотив узнавания, связанный в фольклоре с мотивом разоблачения: можно вспомнить проколотые ноги Эдипа и другие, по определению В. Я. Проппа, «знаки смерти», наносимые на тело младенцев.⁴⁰ К включению в текст этого мотива узнавания «по признатному месту» могло привести сообщение летописи о невозможности найти тело Георгия — «усѣкънуша главу его и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь, и тѣмъже послѣже *не обрѣтоша тѣла сего въ трупиш*».⁴¹

Если принесение братом главы брата, как в Повести о разорении Рязани Батыем, вероятно, было частью воинского этикета, то тайное хранение головы у себя — новеллистический сюжет, характерный для изображения несчастной любви. В уже упоминавшейся новелле «Декамерона» убитый Лоренцо является во сне возлюбленной и сообщает, где он похоронен. Изабелла находит это место, и, не сумев унести все тело, отрезает ножом голову Лоренцо и уносит с собой. Девушка кладет ее в цветочный горшок, сажает над ней базилик и все дни проводит возле спрятанной головы своего возлюбленного, поливая ее слезами.⁴² Этот же сюжет лежит в основе сказки Г. Х. Андерсена «Эльф розового куста»: девушка «разрыла землю и нашла убитого. <...> и вот она взяла бледную голову с закрытыми глазами, поцеловала холодные губы и отряхнула землю с прекрасных волос. — Оставлю же себе хоть это!»⁴³ В середине XIX века бродячий сюжет восстанавливается по формулам, очень близким к тем, что задействованы в Житии Ефрема Новоторжского.

Литературные обработки XVII века: Проложное Житие

Проложное Житие Ефрема Новоторжского, вошедшее в печатный Пролог 1661 года, было создано на основе Пространной редакции, без обращения к первоисточникам. Вероятно, по этой причине вольность трактовки событий достигает в Проложном Житии высшей степени. Так, дар князем Борисом отроку Георгию златой гривны приурочен к самому моменту мучения Бориса: «Егда же *во время убиения великаго страстотерпца Бориса посланныи от окаяннаго брата его Святополка начаша святаго убивати, тогда святыи страстотерпец Борис, сняв с себе свою княжескую гривну златую, положи на брата преподобнаго Ефрема втораго, на Георгия, украшения ради великаго своего княжения*».⁴⁴

Уподобление Моисея Иосифу Прекрасному, приведенное в Пространной редакции, не только заимствуется в Пролог («яко прекрасный Иосиф пострада от жены ляхины за лѣпоту лица своего»),⁴⁵ но и уводит составителя Проложного Жития от подлинной судьбы Моисея, которого преследовала незамужняя женщина. В Прологе Моисей оказывается рабом в доме мужа жены-ляхины: «и оболга его мужу своему любодѣянием».

⁴⁰ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 274, 293.

⁴¹ Полн. собр. русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Стлб. 134.

⁴² Боккаччо Дж. Декамерон. С. 375–378.

⁴³ Андерсен Г. Х. Снежная королева и другие сказки / Пер. А. В. Ганзен, П. Г. Ганзена. М., 2013. С. 128–129.

⁴⁴ Пролог. М., 1661. Декабрь–февраль. Л. 335.

⁴⁵ Там же. Л. 335 об.

Итак, сведения о Георгии и Моисее, почерпнутые из книжных источников, были объединены в сюжете, имеющем устную природу. Главным письменным источником был Киево-Печерский патерик, который непременно указывался в литературных обработках XVII века при повествовании о Моисее: «Житие же его и терпѣние пишет в Печерском патерикѣ» (ЖП-1879, л. 40). Если Краткая редакция, по-видимому, целиком основывалась на вступлении к Слову о Моисее Угрине, то в Сказании о трех братьях-угринах заметна глубокая работа с текстом Патерика, с летописной повестью об убиении Бориса и Глеба, а также, возможно, Повестью о разорении Рязани Батыем. Составитель Пространной редакции был знаком и с Патериком, и с летописью, но более всего старался выдержать агиографический стиль.

Рассказ о Георгии Угрине в каждом случае строится как последовательность картин: падение отрока, золотая гривна, отсеченная голова.⁴⁶ Сказание о Борисе и Глебе, в котором образ Георгия Угрина прописан выразительнее, чем в других источниках,⁴⁷ скорее всего, оставалось неизвестным для составителей редакций. Ни одна из редакций Жития Ефрема Новоторжского не воспроизводит возгласа верности Георгия, переданного Сказанием, ни в одной из редакций не упоминается древнее чудо Бориса и Глеба, совершенное в присутствии несущего свечу Георгия (чудо о хромом Миронеге),⁴⁸ которое могло бы стать доказательством значительности хранящейся в Борисоглебском монастыре святыни.

Вероятно, народное почитание отрока Георгия не было сильно, если вообще существовало, поэтому «глава Георгия» в Пространной редакции утратила образ святыни, т. е. предмета, значительного для потомков, зато обрела черты предмета, значительного для основателя монастыря, стала символом братских чувств. Один из современных читателей текста так описал свои впечатления от Жития Ефрема Новоторжского: «Миссия Ефрема была в сохранении достойной памяти о человеке: родном брате, князьях Борисе и Глебе <...> в этом мотиве заложен важный гуманистический посыл ценности личности каждого человека».⁴⁹

Вопрос о том, бытовали ли рассмотренные предания до создания Жития, остается неразрешенным. Положение В. В. Кузнецова о том, что предание о трех братьях «превратилось в житие»,⁵⁰ с учетом истории развития текста, не кажется бесспорным. Кроме того, был ли Ефрем действительно угрином, иноземцем, как Антоний Римлянин, Меркурий Смоленский, Довмонт Псковский, или это результат ассоциативной связи? Авторитетный источник, на который ссылается архимандрит Мисаил, рассказывая о трех братьях-угринах и о главе Георгиевой, — священноинок Иоасаф Юрьева монастыря. Интересно, что именно из этого монастыря происходит рукопись XII века, запечатлевшая в себе «венгерский след» в книгописном искусстве Древней Руси, — знаменитое Юрьевское Евангелие 1119–1128 годов.⁵¹ Писцовая запись свидетельствует, что оно написано венгром: «Угриньць псаль».⁵² В месяцеслове под 24 июля помещена память «убиения Бориса, князя русьскааго». Таким образом, для памяти о венграх в Юрьевом монастыре действительно было основание.

⁴⁶ В скандинавских сюжетах эти элементы были связаны с убийством конунга. См. об этом: Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957; Михеев С. М. Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: к проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. 2005. № 2. С. 28–42.

⁴⁷ В Чтении о Борисе и Глебе имя слуги князя не упомянуто, известие о нем кратко: «И се един от предстоящих ему слуг паде на немъ, они же и того пронизоша» (Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. С. 582).

⁴⁸ Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 60–61.

⁴⁹ Пучков В. М. Над вечным покоем // Аркадий Вяземский: По материалам I Аркадьевских чтений. Вязьма, 2010. С. 156.

⁵⁰ Кузнецов В. В. Предания Верхневолжья. С. 14.

⁵¹ ГИМ. Синодальное собр. № 1003.

⁵² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 92–94.

Три венгерских брата продолжают свою жизнь в литературе: в повести Н. С. Плотникова (Фуделя) «Георгий Угрин»⁵³ братьям Георгия даны и характеры, и мирские имена — Иларий и Анфир. Ефрем Новоторжский, наравне с одним из своих исследователей, стал героем отмеченного литературными премиями романа П. М. Алешковского «Крепость».⁵⁴ Подобная сюжетопорождающая способность Жития также может свидетельствовать о его литературных достоинствах, о явленной в нем задаче поиска и осмысления собственной истории.

Исследования Новоторжской археологической экспедиции показывают древность Борисоглебского монастыря: по заключению П. Д. Малыгина, об этом говорит его близость к кремлю, мощный культурный слой, находки раннегончарной керамики, отсутствие в округе языческих могильников XI–XII веков.⁵⁵ Среди берестяных грамот Торжка XII века сохранились даже литературные тексты.⁵⁶ Плинфа древнего монастырского собора датируется археологами концом XII — началом XIII века,⁵⁷ фрагменты фресок могут быть отнесены к началу XIII века.⁵⁸ К сожалению, подлинная история основателя Борисоглебского монастыря утрачена, как и древний каменный храм. Остается только догадываться, насколько предание, запечатленное в Житии, сохранило связь с действительной историей преподобного Ефрема.

⁵³ Плотников (Фудель) Н. С. Георгий Угрин: Повесть. М., 2000.

⁵⁴ Алешковский П. М. Крепость: Роман. М., 2015.

⁵⁵ Малыгин П. Д. К топографии Торжка XII–XIII вв. С. 39.

⁵⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А., Малыгин П. Д. Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 3–11.

⁵⁷ Малыгин П. Д., Салимов А. М., Зайцев А. А. К изучению плинфы собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003. С. 85–92.

⁵⁸ Салимов А. М. Древний собор Борисоглебского монастыря в Торжке. С. 49.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-95-106

© Е. Д. Кукушкина

ТЕМА ВОСПИТАНИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕТЕЙ В ПРИТЧАХ А. П. СУМАРОВОВА

Интерес к детству как особому значимому этапу в жизни человека, признание за ним самостоятельной социальной и психологической ценности окончательно сформировались в России лишь в эпоху романтизма. До этого времени дети воспринимались как маленькие взрослые, что нашло отражение в детской одежде: детям шили такие же платья и костюмы, как и взрослым людям, но маленького размера. Нормы семейной жизни определялись религиозными правилами и ритуалами, восходящими еще к «Домострою», составленному в XVI веке. Основными требованиями по отношению к детям были строгость, ограничение свободы, а методом воздействия — нравоучения и наказания. Послушание проповедовалось как наиважнейшая добродетель. Не являясь социальным субъектом в представлении общества, дети не были и объектом для художественной литературы — ни как персонажи, ни как читатели. Единственным литературным жанром, обращенным не только к взрослым людям, но и к детям, всегда оставалась басня, имеющая большой воспитательный потенциал. Более 350 эзоповских басенных сюжетов стали известны на Руси благодаря переводам Федора Гозвинского с греческого языка (1607), Андрея Виниуса с немецкого (1674) и Петра Кашинского с польского (1675). Составив сборник басен Эзопа из двух немецких изданий и переведя их на русский язык, Виниус в предисловии к своей книге «Зрелище жития человеческого» писал, что сделал это «во общую пользу, наипаче же младым отроком,